

Владимир Лагутин

Маленькая история большой жизни

12+

Владимир Лагутин

**Маленькая история
большой жизни**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Лагутин В. В.

Маленькая история большой жизни / В. В. Лагутин — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Произведения в данной книге написаны с умом, от сердца, для души. Литературная проза представлена повестью "Маленькая история большой жизни", повествующей о судьбе малолетнего узника в годы Великой Отечественной войны; а так же, несколькими рассказам о любви, дружбе, целеустремлённости, отваге и силе духа. Судить тебе, дорогой читатель. Для оформления обложки книги использована фотография мемориала узникам фашистских лагерей в Таганроге. 2012 Uznicam fashist lagerey Taganrog.jpg

Маленькая история большой жизни

Вторая мировая война оставила отпечаток в душах и сердцах людей ...

Глава I

В октябре 1941 года немецкие войска, захватив Мариуполь, продолжили свое наступление «по направлению к нижнему течению реки Миус», то есть к Таганрогу. В городе полным ходом шла эвакуация промышленных предприятий, фабрик и других учреждений. В этой организованной работе было задействовано не только взрослое население, но и подростки, не достигшие совершеннолетнего возраста. На одном из заводов в погрузке эшелонов с оборудованием принимали участие школьники и студенты техникума. Среди ребят был худощавый паренек среднего роста; одетый в рабочие ботинки, черные брюки и серую укороченную куртку. Черные, гладко зачесанные назад волосы покрывала кепка с большим козырьком, немного повернутым набок. Он то и дело поглядывал на часы. Погрузка шла не первые сутки, работали без перерыва. Иван был среди тех, кто вот уже несколько дней не покидал территорию завода, делая все от них возможное для полной эвакуации столь ценного оборудования. Врагу нельзя было оставлять ничего. А немецкие войска уже подходили к городу.

Было раннее утро, последние вагоны были загружены. Иван смотрел на часы, слышал автоматные очереди, раздававшиеся на окраине города, и приглушенный гул моторов немецкой техники. Несомненно, Иван все понимал. Дома его ждали мать и две сестры. Когда несколько дней назад юноша уходил на работу; мать сказала, что соберет вещи и будет ждать сына. В те дни город еще можно было покинуть по дороге, ведущей на Ростов.

Когда открыли проходные, призывая рабочих бежать из города, было уже поздно. Утром 17 октября 1941 года солдаты германской армии оккупировали этот тихий, красивый городок на берегу Азовского залива. Иван бежал со всех ног, не оглядываясь и не останавливаясь. Мысли были только об одном: «Хорошо, если мама с сестрами не дождалась меня. Пусть их не будет дома. Пусть их не будет в городе. Может быть они уже далеко, в безопасности...»

Он бежал по маленьким извилистым улочкам, мимо деревянных построек барачного типа, свернул за угол и ловким движением перемахнул через покошенный штакетник, окрашенный в зеленый цвет. Во дворе стоял двухэтажный кирпичный дом, в котором жили несколько семей. Иван забежал в парадную и поднялся на второй этаж. Дверь в квартиру была закрыта. Он судорожно нащупал в кармане куртки ключ и открыл замок. Матери с сестрами дома не было. Парень вздохнул с облегчением, осмотрелся по сторонам, подойдя к столу, стоявшему возле окна. На нем стоял небольшой чемодан коричневого цвета с кожаными вставками в уголках: мать заботливо сложила в него вещи Ивана, и кое-что из еды. А сверху, на чемодане, лежал свернутый лист бумаги. Ваня развернул его, и по щекам потекли слезы.

«Дорогой сыночек, сегодня мы с девочками на баркасе отправляемся в Ейск. Остановимся у тети Оли и дяди Гриши. Помнишь, мы гостили у них три года назад. Будем ждать тебя. Приезжай. Прости меня... Мама».

Глава II

В это октябрьское утро в городе началась другая жизнь. Она уже не была такой безмятежной и размеренной, как раньше. Страх и ужас поселился в сердцах горожан. В первые дни оккупации были проведены аресты и расстрелы евреев; введен комендантский час; началась перепись, с целью выявления трудоспособного населения. По разнарядке немецких властей Иван был направлен на работы на литейно-механический завод. Работа была тяжелая: Иван с помощью вагонетки доставлял заготовки в цеха. Тело не слушалось, изнемогая от физического

перенапряжения. Все время хотелось спать и есть. Каждый новый день ничем не отличался от предыдущего; казалось, осень окрасила в серые цвета не только природу, но и жизнь людей.

В декабре 1941 года начался массовый вывоз трудоспособного населения Таганрога в Германию. Создавались трудовые биржи на которых, на каждого направляющегося на работу, заводилась личная карточка. В нее заносили сведения о возможности использования работника, в зависимости от пола, возраста и состояния здоровья.

На тот момент ему было семнадцать лет. Вместе с другими горожанами, среди которых были женщины и дети, он ехал в кузове грузовика по дороге, ведущей в неизвестность. Долго везли на машинах, потом на железнодорожной станции набили полные вагоны, сесть было негде. Иногда, на больших станциях раздавали хлеб и воду. За время пути, Иван не раз видел, как люди пытались бежать: те, кто прыгал на ходу с поезда, либо разбивались насмерть, либо были застигнуты автоматной очередью немецких солдат, ехавших в охранении. Были и такие, кто пытался сбежать на станциях, но все безуспешно. Одного из беглецов, в назидание остальным, оставили на растерзание собакам. Это был мужчина лет сорока. Выбравшись из вагона, он шмыгнул под него, выскочив на соседнюю платформу, и побежал. Конвойные из отцепления заметили его, но стрелять не стали, спустив двух собак. Те повалили беглеца, вцепившись своими клыками в шуплую плоть. И только, когда мужчина перестал отбиваться и подавать признаки жизни; офицер приказал оттащить собак. Сам же подошел к бездыханному телу, пнул пару раз ногой, достал пистолет и выстрелил в голову. Это зрелище навело на Ивана такой ужас: сердце учащенно забилось, а в глазах начало темнеть. Паренёк, стоявший в вагоне рядом с ним, заметил это и поставил плечо, тем самым предотвратив падение. Да и падать то в этой теплушке было некуда.

– Меня зовут, Сергеем – промолвил высокий светловолосый молодой человек, как только поезд тронулся.

– Я тебя знаю, – ответил Иван – ты живешь на соседней улице.

Сергей пристально посмотрел на Ивана.

– А я то думаю, откуда мне так знакомо твоё лицо!

Сергей был ровесником Ивана; хотя и выглядел старше, в силу своего высокого роста и спортивного телосложения. Он подмигнул и ободряюще потрепал Ивана по плечу.

Поезд степенно отстукивал колесный ритм. Вокруг были те же деревья, реки, поля; то же солнце вставало на Востоке и уходило на Запад; тот же воздух дарил зимнюю прохладу; но земля была другая – чужая, незнакомая. По мере приближения к конечному пункту прибытия, людей в вагонах становилось меньше. Одних расстреливали при попытке к бегству, другие умирали от холода и недостатка еды.

За время, проведенное в пути, Сергей с Иваном очень сдружились. Не раз они думали о том, как бы уловить момент, когда немецкие солдаты отвлекутся, и они смогут незаметно спрыгнуть с поезда. Решили, что бежать надо в лес, простирающийся вдоль железной дороги. А затем возвращаться назад, пробиваясь к советским войскам или партизанам. Но, к сожалению, всем планам и надеждам ребят на побег не суждено было сбыться. Слишком бдительны были немецкие солдаты, слишком слабы были русские пленные.

Глава III

На железнодорожной станции маленького польского городка открыли вагоны, построили всех пленных, произведя пересчет. Затем вышел молодой немецкий офицер, он передал одному из полицаев списки. Они разделили всех прибывших на две большие группы. Сергей и Иван были в одном списке, в который, преимущественно, попали юноши и мужчины в возрасте до 40-45 лет. Их погрузили в машины и отправили в неизвестном направлении. Остальных оставили ждать на станции.

Машины с людьми двинулись по заснеженной дороге. Кругом тянулись белые поля, вдалеке виднелись маленькие фермерские домики. Небо было чистым, воздух – холодным. Здесь, все казалось чужим, враждебным, несмотря на свою красоту. И хотя над головой не кружили военные самолеты, не были слышны артиллерийские залпы и автоматные очереди; запахом войны веяло в этих краях не меньше. Ваня чувствовал, как сильно, от волнения, бьется сердце. Все тело было сковано дрожью. Нет, это дрожь не от зимнего холода. Это был страх, жуткий страх, совладеть с которым парень не мог.

– Эй! Ты чего? – толкнув слегка плечом, спросил Сергей.

– Не знаю. Трясет так сильно, ничего не могу с собой поделать.

– Ты, случайно, не заболел?

– Я боюсь. Куда нас везут? Почему остальных оставили на станции? – на глазах Ивана наворачивались слезы.

– Ну, братишка, – стараясь подбодрить, громко произнес Сергей, – не раскисай.

В это время, один из автоматчиков, ехавших в сопровождении машины, обернулся и пристально посмотрел на ребят.

– Verstumme Säue, – грозно прикрикнув, направил на них дуло автомата.

Ребята резко опустили головы, уткнув глаза в пол кузова. Немец отвернулся, продолжая смотреть на дорогу.

Оставшуюся часть пути ехали молча. Дрожь унять так и не получалось. Ваня закрыл глаза, представив образ матери. Сразу вспомнил свой дом, цветущий летний сад во дворе, теплое плещущее море Азовского залива, искрящееся под лучами солнца.

Вспомнил отца, который с ними давно не жил, но писал регулярно, высылая свои фотокарточки. От этих воспоминаний стало так тепло и спокойно: холодный зимний ветер перестал пронизывать тело.

– Anreisten – крикнул вдруг, один из автоматчиков.

Машина резко остановилась. Раздался лай собак; зазвучала немецкая речь. Открыв глаза, Ваня увидел, как некоторые пленные уже начали спускаться с кузова машины, выстраиваясь в шеренгу. Сергей уже встал со своего места.

– Давай, подъём. Кажется, приехали...

Иван встал и начал продвигаться по кузову, вслед за другом; спрыгнул на снег и стал в строй за Сергеем.

Пленных строили перед главными воротами: двухэтажное здание с аркой. Огромная территория лагеря была огорожена колючей проволокой, на вышках стояли автоматчики; а за забором находились бараки. Собаки не переставали лаять. Солдаты, кутаясь в серые шинели, выстроились напротив машин с пленными, то и дело прикрикивая:

– Schnell!

Это был концентрационный лагерь Гросс-Розен, располагавшийся в юго-западной части Польши.

Тогда, во время выгрузки и переклички, находясь еще по эту сторону забора, Иван и представить себе не мог; что ждёт его по ту сторону колючей проволоки.

*Verstumme Säue – замолчите свиньи (нем.)

*anreisten – приехали (нем.)

Schnell – быстрее (нем.)

Глава IV

Всех загнали во внутренний двор лагеря, и построили рядом с бараками. Перед заключенными стояли два немецких офицера: один – высокий молодой с худощавым лицом; второй – небольшого роста, плотного телосложения. К ним подошел высокий широкий в плечах мужчина, одетый в форму лагерной полиции. Он протянул молодому офицеру списки и что-то сказал по-русски. Тот перевел сказанное второму офицеру, который, видимо, был старше него не только по возрасту, но и по званию.

– Всем Вам будет присвоен лагерный номер, – начал говорить молодой офицер, на русском языке; тщательно выговаривая каждое слово.

– Вы будете разделены на группы и направлены на работы под охраной. За попытку побега – расстрел; за невыход на лагерные работы – расстрел.

После этой краткой речи всех загнали в большой барак, заставили раздеться и прогнали через холодный душ, провели дезинфекцию и обрили наголо. После выдали полосатую лагерную одежду и нашивки с номером. Всех вновь прибывших разместили в бараках. Надзиратель бегло объяснил внутренние правила и распорядок, указал на койки; и тут же выгнал весь строй на улицу. Последовала новая переключка, но уже по номерам. На улице уже начало темнеть: по периметру зажглись фонари, освещающие территорию лагеря; когда надзиратель повел всех в барак.

Здесь ребятам тоже повезло: Сергей и Иван попали в один барак. Койки были двухъярусные, деревянные, с соломенными матрасами и подушками. Сергею досталась верхняя койка, Иван разместился под ним. На ужин дали баланду и хлеб. Ваня взахлёб осушил миску, краем хлеба вымакал остатки и жадно стал его жевать. Только сейчас он почувствовал, что дрожь, не покидавшая его с момента выгрузки на станции и на протяжении всего дня, начала проходить. Мышцы расслабились, кончики пальцев рук и ног начали согреваться. В помещении было тепло. Жар исходил от «буржуйки», обогревающей эту деревянную постройку.

Когда объявили отбой; Иван, раздевшись, лег на койку и закрыл глаза.

– Вань, спишь что ли? – раздался шёпот Сергея с койки.

– Пытаюсь.

– Как ты себя чувствуешь?

– Лучше, вроде бы отпустило. Наверное, согрелся.

– Братишка, – как-то дружелюбно, по-особенному произнёс Сергей, – завтра будут распределять на работы; надо держаться вместе.

– Ты думаешь, у нас получится бежать? – открыв глаза, еле слышно произнес Иван.

– Не знаю. Осмотреться надо для начала. Ты, главное, не робей!

Иван кивнул в знак одобрения и опять закрыл глаза.

Подъём был в 6:00. На завтрак дали напиток, по вкусу напоминавший кофе, и кусок хлеба. После, всех выгнали на поверку перед бараком, и начали распределять группами на работу. Иван и Сергей были направлены на работу в карьер, находившийся за лагерем. Всех строем, под охраной эсэсовцев с собаками, вывели через лагерные ворота и направили к месту работы.

Карьер был огромный. Все работы выполнялись вручную: одни капали, загружая деревянные тележки; другие свозили песчаный грунт к месту загрузки, здесь его загружали в грузовые машины. Попадалась и твердая порода, камни больших размеров: их дробили кирками и вывозили из карьера. Работа кипела, как в муравейнике. Солдаты из охранения следили за тем, чтобы никто не останавливался ни на минуту. Когда начало смеркаться, пленных построили и повели в лагерь. Перед бараками провели вечернюю поверку; затем выдали ужин, состоящий из баланды и куска хлеба; затем отбой. Таков был повседневный распорядок лагеря; но этот первый день был одним из самых тяжелых и изнурительных.

С каждым новым днем двигаться, работать становилось всё труднее. Отсутствие выходных и скудная пища делали своё дело. В первую неделю из барака, в котором жил Иван,

вынесли восемнадцать тел. Это были и мужчины в возрасте и молодые ребята. Все, в чьих жилах еще теплилась жизнь, видели себя на их месте. Дело было только во времени, отведенном каждому в отдельности. О побеге уже никто и не помышлял, на это не было сил. Дни летели, как в бреду. Каждый день из барачных выносили трупы. На их место немцы пригоняли новых «остарбайгеров» – восточных рабочих.

Глава V

Иван уже и не помнил, в какой из дней в их бараке появился Дмитрий Семенюк: молодой человек лет 23-25, среднего роста, спортивного телосложения. До войны этот парень занимался футболом; отсюда такая статность и фактурность. Дмитрий сразу заметил Ивана и Сергея, державшихся вместе. Несколько раз за ужином он рассказывал им о себе: о семье, доме в Воронежской области. Говорил, что успел отправить в эвакуацию жену и мать. Ребята говорили ему о себе; о том, как жили под немцами и попали в лагерь. К этому времени они провели в его стенах два месяца и досконально изучили все порядки; этими знаниями они поделились с новым другом.

Однажды, на утренней поверке, немцы отбирали рабочих на фермы, находящиеся неподалёку от лагеря. Польские фермеры снабжали лагерь продовольствием; немцы в свою очередь выделяли по 2 – 3 человека на каждое хозяйство. В этот день на построение вместе с полицаями и немецкими солдатами было с десятков полейков, одетых в гражданское. Каждый из них самостоятельно выбирал себе работников. Когда очередь дошла до пожилого седого поляка, одетого в светлый ватник и хромовый сапоги, тот прошел вдоль строя и пальцем указал на Ивана, Сергея и Дмитрия, стоявших рядом друг с другом. Ребята в этот момент опешили, не понимая, как расценивать происходящее: как очередное испытание или подарок судьбы.

Всех отобранных вывели за ворота лагеря, где их ждали фермерские повозки. Всю дорогу ехали молча. Когда показалось фермерское подворье, поляк остановил повозку и повернулся к ребятам.

– Меня зовут Ежи, – на добротном русском, почти без акцента произнес поляк.

Он пристально оглядел ребят, достал из кармана папиросы и предложил им закурить. Никто из ребят не курил. Фермер лукаво улыбнулся. Повозка двинулась к подворью. Теперь поляк вновь сидел к ним спиной.

– Удивлены, откуда я так хорошо знаю русский язык? – продолжил свою речь Ежи.

– Немного, – робко произнес Иван.

В этот момент они въехали на подворье. Здесь был хозяйский, амбар, коровник, курятник и несколько построек для хранения фермерского инвентаря. В середине двора находился колодец. Ежи спрыгнул с повозки и повернулся лицом к своим собеседникам.

– Моя мать – русская, а отец – поляк. Русский язык в нашей семье всегда был такой же родной, как и польский.

– А сейчас, заходите в дом, располагайтесь. Я распрягу лошадь и подойду.

Зайдя в дом, все трое уселись на лавку возле печи, чтобы согреться. Помещение было большое и светлое. По всему периметру стояли широкие лавки, а в середине длинный стол. За печкой стояла кадка с водой, рядом был большой старый ящик с посудой. Иван сел с краю, уперся спиной в печь и закрыл глаза; сон тут же овладел им. Он не слышал, как отворилась входная дверь, и в дом вошёл Ежи. Не слышал, как тот сел на лавку возле окна; о чём говорил с ребятами.

Когда Иван открыл глаза, увидел: все трое сидели за большим столом, говоря вполголоса. Посреди стола стоял небольшой парующий котелок с отварным картофелем и миска с соленьем.

– А вот и Ваня проснулся, – мягко, по-отечески произнес поляк.

– Подходи к столу, присаживайся, – обернувшись, произнес Дима.

В этот момент Иван смекнул, что много пропустил, пока спал. Сев за стол, он внимательно начал вслушиваться в разговор; не понимая: почему этот поляк так добр к ним.

У Ежи не было ни жены, ни детей. Все это было, но давно: еще в довоенное время. Тогда Ежи с женой Эльзой жили в городе. Ежи работал инженером на заводе, а Эльза была портной. Был у них сын – Марек: славный озорной мальчишка. Ему было десять лет, когда он пошел с друзьями на речку и не вернулся. Тело мальчика так и не нашли. Он утонул. Родители долго переживали эту утрату. А спустя три года Эльза забеременела. Казалось, скоро в дом вновь придет радость и детский смех. Но и тут судьба сыграла с Ежи злую шутку. Жена умерла во время родов, оставив на свет дочку. Девочка была славная: круглолицая, белокурая с голубыми, как пуговики глазенками. Отец назвал её Агнешкой.

Боль утраты жены и сына уходила на второй план в те минуты, когда Ежи возился с Агнешкой. Всю свою любовь и ласку он дарил дочери. Она же, в свою очередь, была для него тем лучиком света, ради которого стоило жить, обретая веру и надежду. Ежи ушел с завода и открыл небольшую булочную в доме, где они жили. Так оставалось больше свободного времени, которое можно было уделить ребенку. Когда Агнешке было два годика, он даже подумывал жениться; чтобы дочка могла расти в полноценной семье. Но и тут не сложилось; вновь судьба сделала свой неожиданный поворот в его судьбе. Зимой Агнешка сильно заболела: высокая температура, кашель. Врачи поставили диагноз – воспаления легких. Двухгодовалого ребенка положили в больницу. А через два дня девочка умерла.

Такого удара Ежи пережить не мог: он забросил все дела в булочной, начал сильно пить. Большую часть времени он проводил на кладбище. Только здесь, как ему казалось, он обретал покой. Три могилы самых близких и дорогих ему людей находились рядом. Тут же стояла маленькая лавочка, которую соорудил Ежи еще после похорон сына. На ней когда-то они плакали с женой вместе. Теперь же он был один, совсем один в этом огромном мире. Самое страшное, что Ежи не мог понять, почему именно в его жизни там много трагичного. Чем он это заслужил?

Ответ на этот вопрос он так и не мог найти. А еще, он не знал; что ему делать дальше, как жить. Ответ на этот вопрос пришел сам собой. Ежи продал свой дом вместе с булочной и уехал из города. Он купил участок и небольшой дом у одного старого фермеров на дальнем хуторе. Жил он там уединенно, затворником. Однако в городе его видели регулярно. Скорее даже не в городе, а на городском кладбище. Могилы жены и детей он навещал регулярно, раз в месяц.

Со временем: Ежи отстроил новый дом, завел живность и расширил свой земляной надел. Многие считали его зажиточным фермером; считая, что ему очень повезло в жизни. Вот только Ежи не мог назвать свою жизнь счастливой.

Когда началась война на заводе, где когда-то работал Ежи, развернули военное производство. А в окрестностях расположился концентрационный лагерь. Фермеры снабжали его продуктами питания; немецкое командование, в свою очередь, выделяло разнорабочих, для земельных работ. Так и свела судьба этого пожилого поляка с русскими ребятами. На вопрос: почему он выбрал именно их троих для работ на своей ферме? Ежи ответил, что среди сотен заключенных именно в этих троих он сумел разглядеть блеск в глазах. Именно такой блеск был у него самого во время семейной жизни, во время рождения сына. Этот же блеск появился вновь во время рождения дочери и пропал навсегда, после её утраты. Теперь же, когда он увидел это желание жизни в глазах этих трех русских изможденных пленных; сразу решил, что должен хоть чем-то помочь им. Поэтому и взял их на своё подворье.

Раз в неделю полицаи объезжали все фермерские подворья, проводя перепись пленных, направленных на работы. Основные же функции по надзору за ними были возложены на самих фермеров.

Ежи не мог так просто отпустить ребят, да и бежать то им было особо некуда. Поэтому он предложил ребятам остаться, обещая относиться к ним по-человечески, ни как к пленным.

– Даст Бог, переживем эту войну, – сказал поляк.

Чтобы не вызывать подозрения со стороны полицаев, осуществляющих проверки; Ежи поселил ребят в одном из сараев, стоявших на подворье. С утра до вечера все вчетвером трудились на подворье, делая продуктовые заготовки для лагеря. Вечером после ужина беседовали. Ежи с интересом слушал рассказы парней о довоенной жизни. Периодически он привозил из города немецкие газеты, в которых была информация о ситуации на фронтах.

– Немцы теснят наших, а мы тут на природе отдыхаем, – с горечью говорил Сергей.

– А что ты предлагаешь? – спрашивал Дима.

– Пробираться к фронтовой полосе, к нашим войскам.

– Куда пробираться? Ты хоть представляешь: где мы, а где наша армия?

– Всё равно надо к линии фронта идти, может, где партизанский отряд встретим, будем бить врага.

– Да нас через версту первый же патруль сцапает и назад в лагерь вернет, или расстреляет.

– Ваня, ты то, что скажешь? – спрашивал Сергей, ища поддержку в словах друга.

– К родным хочется: к маме, к сестрам, – говорил Иван; и слёзы наворачивались на глазах.

Ежи слышал разговоры ребят. Он только вздыхал и тихо говорил: «Сынки, не время сейчас. Вам еще жить надо». И они ждали. Ждали и постоянно обсуждали, как правильно поступить, когда придет то самое время.

Глава VII

Так прошла зима и наступила весна 1942 года. Теперь немцы требовали от польских фермеров не только заготовки для лагеря, но и провиант для фронта. В марте Ежи привез из лагеря еще двух русских: Алексея и Михаила. Обоим было по 18 лет. Высокие, худющие, с впалыми глазами. Дело было к вечеру; Ежи накормил вновь прибывших и отправил отдыхать. Наутро обнаружили, что этих двоих и след простыл.

Ежи отправился их искать, а к обеду вернулся с двумя полицаями. Они долго по очереди расспрашивали Ивана, Сергея и Дмитрия; известно ли им, куда могли податься эти двое. Один из полицаев был поляк, по-русски совсем не говорил. Второй же говорил на русском без какого-либо акцента, при этом свободно изъясняясь на польском. Иван предположил, что он скорее русский. Когда первый полицай с Ежи зашли в дом, этот второй остался во дворе.

– Курит кто? – спросил он, протянув пачку папирос.

Ребята переглянулись.

– Ну а я закурую, однако. Эх, зря вы всё это затеяли. Куда тут бежать? Чем вам, однако, на ферме плохо? Опять в лагерь, в карьер захотелось... – сплюнув, с особой горечью произнес он последнюю фразу.

– Никуда мы не бежали, – ответил Сергей.

– Вы то да, а вот товарищи ваши... А спросят со всех, однако.

– А с ними что будем? – спросил Иван.

– Если повезет, то по свинцовой пуле получат. А если нет... Тут начальнику лагеря решать, когда поймаем. Вы, однако, лучше о себе думайте.

– Да сказали же: что мы бежать не собирались, – с горечью повторил Сергей.

– Чего ты перед ним оправдываешься? Пусть хоть сейчас стреляют, – резко сказал Дмитрий, сделав шаг вперед.

Полицай пустил дым ему прямо в лицо; и, не вынимая папиросы изо рта, сказал:

– Ты, парень, не дури, однако. Если жить охота.

Дверь в дом открылась, и на пороге вышел второй полицай. Ежи стоял в сенях у него за спиной. Он что-то сказал хозяину и направился к повозке.

– Не дури, однако, – снова сплюнув и затушив папиросу, сказал второй.

С этими словами он развернулся и ушел.

Когда полицай уехали, Ежи позвал ребят в дом.

– Вот видите, как одна беда может за собой другу навлечь, – вздыхая, сказал Ежи.

– Что теперь буде? – спросил Сергей.

– Расстреляют их.

– Пусть попробую найти сначала, – сказал Дмитрий.

– Эх, ребята. Я же Вам говорил, тут некуда бежать. А ещё и вас могут назад в лагерь отправить.

Слова поляка оказались пророческими. Через пару дней к дому фермера подъехал черный немецкий автомобиль, в котором сидели два офицера; и небольшая полторка, с пятью солдатами в кузове. Ребят построили во дворе, возле амбара. Офицеры о чём-то расспрашивали Ежи. Затем один из них, подошёл к солдатам, курившим возле машины, отдав им приказ. Те выстроились в шеренгу, направив автоматы на пленников.

– Сейчас вас расстреляют, – сказал офицер по-русски.

Второй, продолжавший разговор с Ежи, резко развернулся и что-то громко крикнул. После чего достал пистолет из кобуры и направился к амбару. Подойдя на расстояние вытянутой руки, он остановился напротив Димы и опять что-то произнес по-немецки.

– Вы еще можете всё исправить и остаться в живых. Надо лишь сказать, где скрываются сбежавшие, – перевел другой офицер.

– Нам ничего неизвестно, – ответил Сергей.

Немец направил пистолет на Дмитрия, посмотрев на Сергея, стоявшего справа. Раздался выстрел. Ваня от страха обомлел и закрыл глаза. Всё вокруг замерло на какое-то мгновение. Бесчувственное тело ничком упало на землю. Одежда в области груди покрылась багровым пятном. Глаза парня остались открытыми, устремив свой взгляд в небо.

– Зачем? – раздался вопль Сергея.

Офицер развернулся и направился к машине. Двое солдат схватили Ивана и Сергея и поволокли в полторку. Когда выезжали с подворья, Иван обернулся в сторону амбара: Ежи стоял на коленях, положив руку на лицо убитого.

Глава VIII

Пленных вернули в лагерь. Сергей был определён на земляные работы. Ивана отправили в один из химических цехов, находившихся на территории лагеря. Никто толком не знал, что производят на этих предприятиях; но люди там долго не задерживались. Болезни и физическое истощение не щадили никого. Немцы работали в цехах только в химзащите; роба пленных же была повседневной, без химхалатов и респираторов. Дышать в помещениях было тяжело, воздух сушил слизистую носоглотки, глаза воспалялись и болели.

Иван перемещал тележки с контейнерами. В цех они попадали пустые, здесь их наполняли и вывозили на улицу для погрузки. После работы немцы проходили тщательную стерилизацию. Пленным полагался только душ. Их загоняли в общее помещение и обдавали холодной водой со шлангов, роба при этом не снималась. После этой процедуры робу снимали и вешали в жаровни, где она высыхала за ночь.

Сергей с Иваном продолжали жить в одном бараке. Вечерами перед сном они много разговаривали, перешёптываясь, чтобы никто не слышал. Они не говорили о работе и тяготах, непереносимых и мучительных для человеческого организма; а вспоминали дом, друзей, родных. Не оставляли они и мысли о побеге. Вот только сил на это становилось с каждым днём всё меньше и меньше, а значит и возможность – призрачнее. Через месяц, после возвращения в лагерь, Иван стал замечать, что теряет зрение. Периодически, всё застилала белая пелена; глаза не переставали болеть, краснота не спадала.

– Ваня, тебе надо обязательно сходить в санчасть, – сказал ему как-то Сергей.

– Думаешь, стоит? Там же медик – немец. Скажет, что всё нормально. Ещё нажалуется начальнику лагеря, что я отлыниваю от работы.

– Я слышал, что врач – пожилой солидный мужчина, зовут его Генрих. При нем фельдшером работает Андрей Владимирович. Он из заключённых.

– Хорошо, Серега. Завтра пойду, – закрыв глаза руками, ответил Иван.

Рано утром, ещё до подъёма, Иван уже стоял на пороге небольшой деревянной постройки, в которой располагалась санчасть. Он постучал в дверь. В ближнем окне зажегся свет, дверь скрипнула, на улицу вышел высокий худощавый мужчина в накинутой на плечи телогрейке.

– Рассказывай, – закуривая папиросу, произнес он.

– Вы фельдшер?

– Да, Андрей Владимирович, – мужчина пристально посмотрел на Ивана.

– У меня очень болят глаза: слезятся, чешутся.

– Ты где работаешь, парень?

– В химцехе.

– Как твоё имя?

– Иван.

– Вот что, Иван; пойдём, я осмотрю тебя.

Фельдшер провел парня в кабинет, где стояла кушетка, стол и стеклянный шкаф с медикаментами. Запах в помещении был особый, больничный. Фельдшер включил настольную лампу, а Ивана усадил на стул.

Натянув на нос очки, Андрей Владимирович осмотрел пациента.

– Ничего страшного, парень. Всё поправимо, – спокойно с уверенностью сказал мужчина.

Он повернулся к столу, открыл журнал и сделал запись. Затем подошёл к стеклянному шкафу и достал пузырек. Набрав содержимое в пипетку, он запрокинул голову Ивана и закапал глаза.

– Немного печь будет, – уже после процедуры сказал он.

Жжение было настолько сильным, что парень чуть не заплакал.

– Мне возвращаться в барак? – не открывая глаз, спросил Иван.

– Нет. Определим тебя на несколько дней в санчасть. У тебя воспаление слизистой оболочки глаз, надо полечить. Химцех пока тебе противопоказан. Сейчас я покажу тебе твоё место, а потом схожу в твой барак и передам отвод от работ.

– Спасибо Вам, Андрей Владимирович.

– Да будет. Я ещё ничего для тебя не сделал.

Фельдшер, как и обещал, отвел Ивана в палату. Это была небольшая комната с четырьмя кроватями, расположенными по периметру.

– Выбери любую, матрац и подушку сейчас принесу.

– А что, кроме меня здесь никого из пациентов нет? – поинтересовался Иван.

– Тут долго не болеют.

Иван сел на кровать возле окна. Через пару минут вернулся Андрей Владимирович, с подушкой и матрасом.

– У окна лучше не ложись. Да и свет вечером и утром не включай.

– Почему?

– Чем меньше тебя немцы и надзиратели будут видеть в окне, тем для тебя спокойнее. Я же тебе уже сказал, здесь долго не болеют. Им это не нравится, – фельдшер кивнул в сторону окна.

Уже рассвело. Немцы строили пленных перед бараками, для отправки на работу.

– Пойду, скажу о твоём отводе. А то ещё кинутся, подумают, что сбежал.

Иван расположился на кровати в углу, возле двери. Свет он не включал, как ему и было велено; снял обувь и телогрейку и лег, закрыв глаза. Заснул он мгновенно: не слышал, как вернулся фельдшер, и когда пришёл доктор Генрих. Когда открыл глаза, за окном было совсем светло. На соседней кровати сидел Андрей Владимирович, читая какую-то книгу.

– Простите, – вскочив с кровати, поспешно обуваясь, сказал Иван.

– Лежи, лежи, – не отрываясь от книги, ответил фельдшер.

– Что Вы читаете?

– Так, медицинский справочник на немецком.

В это время, Иван почувствовал сильный зуд и начал потирать глаза.

– А вот этого не надо.

Фельдшер отложил книгу, встал и подошёл к Ивану. Он отодвинул его руки от лица, взял за подбородок, приподнял голову и повернул к свету.

– Открой глаза пошире. Да... Пойдем, покажем тебя нашему немецкому коллеге.

Они прошли в кабинет, в котором с утра Андрей Владимирович осматривал Ивана. Здесь за столом сидел невысокий мужчина полного телосложения. Он был одет в военную офицерскую форму, поверх которой был накинут белый медицинский халат. Редкие светлые коротко стриженные волосы были зачесаны назад и казались: то ли мокрыми, то ли жирными.

– Es ist das Iwan? – громким басом немец обратился к фельдшеру.

– Ja, ich sagte gerade darüber Ihnen, – бегло, без акцента ответил Александр Владимирович.

Ивана это удивило. От неожиданности он пристально посмотрел на этого загадочного русского доктора, который так хорошо знает язык врага.

– Lege sich auf die Liege, ich werde dich anschauen.

– Ложись, доктор Генрих тебя осмотрит.

Иван лег. Фельдшер достал из шкафа металлический инструмент и передал его немцу. Тот, наклоняясь над пациентом, расширил ему веки; Иван одновременно почувствовал боль и холод. Затем достал из кармана халата небольшой фонарик и направил его луч поочередно: сначала в правый глаз, затем в левый.

На этом процедура осмотра была окончена, инструменты немец уже убрал от лица Ивана, но не отходил от него.

– Wenn auch den Mund öffnen wird und es wird die Zunge herausstrecken, – сказал он через плечо, не поворачивая голову.

Lege

– Открой рот и высунь язык, – перевёл фельдшер.

Иван показал язык. После доктор отошел и сел за стол.

– Всё, можешь идти в палату.

Выходя из кабинета, Иван слышал, как Генрих с Александром Владимировичем начали что-то обсуждать по-немецки.

Когда фельдшер зашёл в палату, Иван сидел на кровати, уставившись куда-то в пол. Александр Владимирович сел рядом.

*Es ist das Iwan? – Это тот самый Иван? Ja, ich sagte gerade darüber Ihnen. – Да, именно о нем я Вам говорил.

Lege sich auf die Liege, ich werde dich anschauen. – Ложись на кушетку, я осмотрю тебя.

Wenn auch den Mund öffnen wird und es wird die Zunge herausstrecken. – Пусть откроет рот и высунет язык.

– Вот что, Ваня... Доктор Генрих не видит оснований снимать тебя с работ или переводить в другое место из химцеа. Я же буду с тобой откровенен. Если сейчас не назначить тебе лечение, зрение ты потеряешь.

– Мне возвращаться в барак?

– В барак ты вернешься сегодня вечером. Ко мне будешь приходить каждый день: рано утром и вечером, после работы. Я буду промывать и лечить твои глаза.

– Спасибо, – с надрывом произнес Иван.

– Да, и ещё: каждый день я буду тебе давать чистый платок, чтобы ты мог протирать слезящиеся глаза, не заноса при этом инфекцию. А сейчас ложись, отдыхай; я зайду к тебе позже.

Было около полудня, когда Ивана навестил фельдшер. Он принес ему плошку, доверху наполненную варёным картофелем, и кружку с чаем.

– Рубай, набирайся сил.

Иван с жадностью принялся глотать горячий картофель. За время плена, он забыл, когда досыта наедлся. В этот раз был как раз-таки такой случай.

– Ну вот, молодец! Теперь можно и здоровье поправить, – улыбнувшись, сказал Андрей Владимирович.

Он принёс пузырек и закапал парню глаза, а затем сделал компресс. Вечером процедура повторилась. После чего Иван отправился в свой барак. Он рассказал Сергею о своём знакомстве с фельдшером.

Глава IX

В течение двух месяцев Иван каждый день заходил в санчасть к Андрею Владимировичу. Но фельдшер не только лечил своего пациента; по вечерам он подкармливал парня. Часть еды Иван приносил в барак и делился с Сергеем.

– Да тебе повезло, – однажды, усмехнувшись, сказал Сергей.

– Почему?

– Если бы ты не попал в этот цех, и у тебя не испортилось бы зрение; мы с тобой долго бы тут не протянули. Уж я то, точно.

Сергей за последнее время сильно исхудал, ладони его были стертые в кровь. Всё это было следствием изнуряющей работы.

– Сил больше нет. Боюсь, рухну, и немцы меня расстреляют. Доходяги им не нужны, – в отчаянии говорил Сергей.

– Серёга, ты чего? Надо держаться! – подбадривал друга Иван.

– А зачем? Сколько мы уже здесь? А сколько нам ещё мучиться?

– Я не знаю. Но надо жить, сколько бы нам не осталось. Пойдём завтра с утра к фельдшеру, он посмотрит твои руки, – твёрдо сказал Иван.

Утром они вдвоём сидели в санчасти. Андрей Владимирович закапал глаза Вани, а затем обработал кровавые раны на руках Сергея и забинтовал их, положив под бинты мазь. Он угостил ребят чаем и хлебом. А ещё фельдшер рассказал о том, что Красная армия сражается в ожесточенных боях под Харьковом и Сталинградом.

– Откуда Вы это знаете? – поинтересовался Сергей.

– Доктор Генрих приносит свежую немецкую прессу.

– Наши наступают? – спросил Иван.

– К сожалению, пока нет. Но отчаиваться не стоит. Скоро они дадут прикурить этим гадам, – стукнув кулаком по столу, твёрдо ответил Андрей Владимирович.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.